

ну русскую со всех сторон и преимущественно съ востока и сивалась и доселя еще сивается съ однимиъ организмами развивающагося русскаго народа, образуя новыя ткани, новыя нити, сшивающъ все его новое напостаніе, народоупождение. Въ русскую равнину ведетъ „великая проходная дорога народовъ изъ мировой проходной страны центральной нагорной Азіи“; проходъ по этому пути, народы осылали въ обширной русской равнинѣ; съ теченіемъ времени поэтому почти прошли въ нынѣшнюю Россію и Сибирь четыре главныя расы: славянская, финская, тюркская и монгольскія; всѣ эти племена долгие были приѣхали въ столкновение, стали сиваться, скрещиваться и сиваться въ одну расу. Изъ этихъ четырехъ расъ вышли почти исключительно только два наиболѣе сильныя племена: славянское и монгольское (татары). Въ этой статьѣ Щановъ старается приложить выводы естественныхъ наукъ къ русской исторической жизни. Это стремленіе Щанова еще болѣе проявилось въ его сочиненіи: „соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“; это очень неудачная попытка объяснить условія умственнаго и нравственнаго развитія русскаго народа посылъ Петровской реформы.

§ 23 Историко-географическое направленіе.

Разработка русской исторической географіи началась у насъ очень рано. Щановъ, Костомаровъ и др. только старались придать этому вопросу теоретическое обоснованіе, опре-

дѣлать путь, по которому должна идти наука русской исторической географіи. Русская историческая географія въ лицѣ Зверса, Сума (датскаго изслѣдователя и географа) и друг. обратила вниманіе на древнѣйшій періодъ русской исторіи. Книга Сума относится къ инородцамъ. Знаменитый Рострентъ, финскій изслѣдователь, совершившій путешествіе въ финскія области, посвятилъ рядъ статей исторіи и этнографіи финновъ. Затѣмъ появились рядъ другихъ изслѣдованій по финской этнографіи. Оріенталистъ Григорьевъ, въ сборникъ „Россія и Азія“ помѣстилъ рядъ статей, преимущественно о Хазарахъ и Кимскихъ Булгарахъ. Одесскій профессоръ Брунъ издалъ сочиненіе „Черноморье“ въ 2-хъ томахъ. Въ немъ заключается цѣлый рядъ статей по исторической географіи Новороссійскаго края, начиная съ скифскаго періода, затѣмъ продолжая Венеціанско-генуэзскимъ и кончая запорожскимъ. Изслѣдованіе Бруна отличается глубокимъ знаніемъ фактовъ, многочисленнымъ матеріаломъ; о всѣхъ вопросахъ онъ трактуетъ по первымъ источникамъ. Ночтеніе его книги, въ силу именно громадной массы матеріала, сопряжено съ затрудненіями. Академія наукъ признала достоинство его трудовъ: ему присуждена Цваровская премія. Ивану Дмитріевичу Бѣляеву принадлежитъ сочиненіе: „о географическихъ извѣстіяхъ въ древней Русіи“ (съ IX—XV в.), напечатанное въ запискахъ императорскаго географическаго общества за 1852 годъ книга VI. Первая глава обнимаетъ періодъ

съ IX по XII вѣкѣ; вторая съ XII до XIV в. и третья съ XIV по XV вѣкѣ. Характеръ и содержаніе этого сочиненія таковы: Бѣляевъ обращается къ непосредственнымъ источникамъ нашихъ географическихъ свѣдѣній, главнымъ образомъ къ лѣтописи, и отсюда въ хронологическомъ порядкѣ выбираетъ матеріалъ. Благодаря такому способу изысканій мы получаемъ полный обзоръ историко-географическихъ свѣдѣній, но этотъ матеріалъ явится не только не обработаннымъ, но даже онъ не систематизированъ. Правда, авторъ, начиная съ XII вѣка, приурочиваетъ матеріалъ къ отдѣльнымъ княжескимъ областямъ, но это приурочиваніе чисто внѣшнее. Это, впрочемъ, объясняется цѣлью автора, которая состояла не въ объясненіи, а въ констатированіи богатства нашего историко-географическаго матеріала. Изложеніе отлагается полнымъ образомъ, обобщеній нѣтъ. Трудъ Бѣалева представляетъ простую выборку фактовъ. Замѣсь мы находимъ полный перечень всѣхъ городовъ, упоминаемыхъ въ русской лѣтописи съ попытками опредѣленій ихъ лѣтисности. Въ 70-хъ годахъ появился новый трудъ профессора по русской исторіи въ Варшавскомъ университетѣ, Барсова подъ названіемъ: „Черки русской исторической географіи“. Этотъ трудъ представляетъ замѣчателное явленіе въ русской исторіи; книга эта до появленія труда Замысловскаго представляла единственное болѣе или менѣе систематическое сочиненіе, посвященное вопро-

самъ русской исторической географіи. Онъ же-
 лаетъ изучить русскую историческую географию
 только нашей первоначальной лѣтописи, т. е. до
 12 вѣка, и далее въ этихъ узкихъ прѣделахъ его
 задача недостаточно ясно опредѣлена, и въ этомъ,
 можно сказать, недостатокъ книги Барсова. Онъ
 постоянно колеблется между двумя различны-
 ми задачами: то иногда кажется, что онъ изу-
 чаетъ только объемъ данныхъ лѣтописи; то
 кажется иногда, что задача его изучить самую
 географическую извѣстность лѣтописи въ связи съ нѣ-
 которыми другими. Благодаря этому измѣня-
 ется первоначальный планъ автора, его трудъ
 расширяется, но терпитъ въ систематично-
 сти, опредѣленности изложенія. Книга Барсо-
 ва раздѣлена на 8 главъ: 1) общая характери-
 стика лѣтописи, какъ памятника географиче-
 ского, и разборъ данныхъ лѣтописи о древ-
 нѣйшихъ народахъ и разныхъ бассейнахъ, об-
 ластьяхъ, находящихся здѣсь; 2) Географическа-
 я связь между разнородными населеніемъ
 восточно-европейской равнины. Общая этно-
 графическія понятія лѣтописца; 3) спеціаль-
 но посвящена анализу извѣстій лѣтописи
 о разныхъ племенахъ кудежикъ, о разселеніи
 луди, о воги, мери и т. д. 4) здѣсь начинаются
 извѣстия о славянахъ, анализируются
 данные о западныхъ, южныхъ и восточныхъ
 славянахъ; общая свѣдѣнія о переселеніи
 русскихъ славянъ съ Дунай, о разселеніи ихъ
 по восточно-европейской равнинѣ, раздѣле-
 ніи ихъ на племена и соединеніи похъ властью
 русская исторіогр. 24. лекц. проф. Багалъ мѣръ 34

руси; объ отношеніи земель къ княжескимъ волостямъ и удѣламъ; 5) разборъ историко-географическихъ извѣстій о хорватахъ, Шиверцахъ, Члехахъ, Дулебахъ и т.д. 6) о славянскихъ вѣтвяхъ на югозападномъ побережьи Днѣпра; объ итѣхъ Древлѣхъ, Поляхъ, Дроговичей и т.д.; о княжесствахъ, образовавшихся здѣсь; 7) славянорусское население на восточной сторонѣ Днѣпра; о стверянахъ, радимичахъ, Вятичахъ, о черниговскомъ княжествѣ и т.д.; 8) о кривичахъ и новгородскихъ славянахъ; объ колонизаціонномъ характерѣ новгородцевъ; объ ихъ колоніяхъ. Ростовско-суздальская земля; отношеніе новгородцевъ къ Кіеву.

Содержаніе книги Барсова очень обстоятельно и подробно. Онъ разбираетъ подробно данныя летописи, даетъ нѣсколько вѣдливый комментарий къ этимъ извѣстіямъ. Для того, чтобы объяснить этотъ матеріалъ, онъ долженъ былъ прибѣгать къ другимъ источникамъ, независимо отъ начальной летописи. Таковыми источниками на первомъ планѣ являются летописный свѣдѣтельства XII и XIII вѣка, т.е. областныя летописи. Такое пользованіе матеріаломъ вполне законно и рационально. Географическія данныя отличаются гораздо большимъ консерватизмомъ, чѣмъ сама исторія. Даже настоящая географическая номенклатура отличается очень древнимъ происхожденіемъ, тѣмъ болѣе это можно сказать о XIII или XII вѣкѣ. Другимъ матери-

аимъ, кромѣ лѣтописей, является для Барсова географическая номенклатура, т. е. названія рѣкъ, урочищъ, городовъ, сохранившіяся до настоящаго времени. Этотъ источникъ отличается небольшою устойчивостью, болѣею непредвѣленностью. Правда, въ этихъ именахъ иногда слышится очень отдаленное ихъ происхождение. Если, напримеръ, обратимся къ территории харьковской губернии, то открываемъ указанія на существованіе здѣсь хозарскаго элемента, найдя селенія Перентьговъ (новый Бѣлгородъ, или „Перентьги“ Волчанскаго уѣзда) Покровъ (въ названіи моря). Понятно самое нужно сказать о Поволжѣ: здѣсь географическія названія указываютъ на присутствіе финскаго элемента. Однимъ словомъ, современная географическая номенклатура — очень важный матеріалъ для объясненій древнихъ извѣстій. Напримеръ, знаменитый путешественникъ Ходковскій уже въ свое время обратилъ въ болѣе вниманіе на эту географическую номенклатуру. Барсовъ пользуется этой номенклатурой, особенно по болѣе темнымъ вопросамъ: относительно границъ между отрывными племенами и отрывными кидишецами. Барсовъ, желая опредѣлить эти племенные границы, пользуется географическими именами, и его выводы заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, но не всѣ, конечно, отличаются въполнѣ достовернымъ характеромъ. Нередко авторъ пользуется также историко-археологическими данными. Этотъ матеріалъ — весьма важный

и, по нашему мнению, даже больше валимый, т.е. современная географическая номенклатура, но ишь Барсовъ пользуется дажеко недостаточно. Сочинение Чварова „О мерианскомъ бытъ“ ясно указываетъ, какое значеніе могутъ имѣть данныя археологіи для опредѣленія границъ между племенами. Если у каждаго племени была своя область, своя культура, то археологическія данныя могутъ имѣть громадное значеніе. Въ сочиненіи Барсовъ не воспользовался этими матеріалами. Барсовъ не имѣетъ въ виду этого круга понятій, опредѣляемыхъ словами „русская историческая географія“. Л. Н. Майковъ въ своихъ „замѣткахъ по географіи древней Руси“ (по поводу сочиненія Барсова „Очерки русской исторической географіи“) говоритъ, что Барсовъ въ своемъ сочиненіи касается только предметовъ, которые „примамблимаютъ къ чисто описательной части географіи, къ топографіи, иногда къ одной иишб топографической номенклатурѣ и иишб отчасти касаются вопросовъ этнографическихъ, или же проникаютъ во внутреннее содержаніе науки землѣвѣденія“. Вообще землѣвѣденіе, по опредѣленію Диттера, говоритъ Майковъ, должно разсматривать отношеніе вѣншей природы къ человѣку, и это отношеніе должно показывать историческая географія; она должна выйти за предѣлы простаго описанія.

„Вышеетъ съ тѣмъ историческая географія должна изобразить и воздѣйствіе человѣка на природу, его борьбу съ нею, формы этой борьбы, т. е. разные виды культуры, которой человекъ подвергается окружающіе его

органическія и неорганическія тѣла и, наконецъ, результаты ея для населенія". „Изъ всей массы разнообразныхъ географическихъ условій, говоритъ д-ръ Майковъ, имѣющихъ отношеніе къ его предмету, г. Барсовъ избралъ только два, о которыхъ и сдѣлать нуденный сообщитъ нѣсколько соображеній. Именно — устройство поверхности восточно-европейской равнины и ея орошеніе. Но и изъ этихъ двухъ вопросовъ, чрезвычайно очень важныхъ, только второй разсмотрѣнъ авторомъ съ нѣкоторой полнотой". Барсовъ, на примѣръ, не говоритъ о характерѣ лѣса, о вліяніи его на характеръ сѣверо-восточной колонизаціи; онъ не говоритъ о границахъ лѣса и поля, о происхожденіи южно-русскихъ степей, о черноземѣ; не говоритъ о центрально-плоскогоріи восточно-европейской равнины, покрытой „сковскими" лѣсами, а между тѣмъ, онъ могъ бы указать на значеніе этого плоскогорія, какое оно имѣетъ въ распределеніи водной системы и т.д. и т.д.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Извѣстій Вольно-экономическаго общества" напечатана обширная статья петербургскаго профессора палогии, Докучаева о русскаихъ черноземахъ, въ которой ставится вопросъ о томъ, были ли когда-нибудь лѣса на мѣстѣ нынѣшней черноземной почвы и если были, то каково происхожденіе нашего чернозема. Существовало мнѣніе о томъ, что этоны черноземъ есть остатокъ древнѣйшихъ лѣсовъ, есть, такъ сказать, пережитокъ ихъ. Но точныя геологическія изслѣдованія показали, что онъ есть пережитокъ мелкой травы, кустарника, ковыля,

тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ южная русская растительность отличается, именно, этими характерами; въсто иѣсовъ попадаются рѣки, имѣющія характеръ острововъ среди обширной степи южной Россіи; преобладаетъ здѣсь, главнымъ образомъ, луговая растительность. Барсову принадлежитъ еще и другая книга — „географическій словарь русской земли“. Съ содѣланіемъ „Очерки русской географіи“ Барсова, вышедшіе вторымъ изданіемъ, не имѣютъ обѣщаннаго продолженія и такимъ образомъ, для повѣдней эпохи нашей исторической жизни мы должны пользоваться изданіями частнаго характера. Вопросъ о географіи въ учебно-вѣчебномъ періодѣ разрабатанъ по частямъ довольно обстоятельно въ такъ называемыхъ областныхъ монографіяхъ. Изъ сочиненій по этому періоду нѣкоторые выдѣляются значительнымъ присутствіемъ въ нихъ этого историко-географическаго элемента. Таковы трудъ Дашкевича: „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи“; это скорѣе историко-географическое изслѣдованіе; авторъ излагаетъ главнымъ образомъ мѣстоположеніе этой области. Дашкевичу принадлежитъ честь въ первый разъ опредѣлить положеніе Болоховской земли, ея границы. Сочиненіе Толубовскаго посвящено спеціально вопросу о нашихъ импортухъ: Печенѣгахъ, торкахъ и Половцахъ исторіи южныхъ степей съ половины XI до половины XIII в.; это сочиненіе очень цѣнное, составленное по первымъ источникамъ. Еще ранѣе Аристовъ напечаталъ работу

„о землях Половецкой“, где, на основании указаний летописи, старается определить географическіе предѣлы этой земли. Топузовско-му принадлежитъ честь открытія боевыихъ границъ южно-русскихъ княжествъ и половецкой земли. Онъ старается доказать, что про-мѣ пограничныхъ городовъ существовали еще, такъ называемыя, боевыя границы, т. е. линии, по которымъ ходили русскія сторожи и быть мо-жетъ древніе русскіе станичники, такъ какъ отношеніе древне-русскихъ земель къ половецкимъ было такое же, какъ въ послѣдствіи отношеніе московскаго государства къ татарамъ. Онъ опредѣляетъ топографію половецкой земли, такъ называемыя „зимовища“ и „литовища“. Затѣмъ говоритъ о бродникахъ, берладникахъ. Для на-шей древней географіи и этнографіи имѣетъ большое значеніе вопросъ объ отношеніяхъ торжескихъ и русскихъ племенъ на югѣ. Конеч-но, не все его выводы могутъ быть приняты въ науку, но тѣмъ не менѣе онъ даетъ по запро-снутому имъ вопросу много вѣрныхъ обра-женій. Для XV и начала XVI столѣтій мы имѣ-емъ классическую работу профессора петербур-скаго университета Замятнова: „Гер-берштейнъ и его историко-географическіе въ-зрѣнія о Россіи.“ Это сочиненіе, подобно труду Барсова отличается систематическимъ ха-рактеромъ. Авторъ поставилъ себѣ за-дачей: выбрать и объяснить географическія възрѣнія у Герберштейна; для того, чтобы сдѣлать ихъ понятными, онъ ставитъ его въ связь съ извѣстіями болѣе раннихъ писа-те-

лей. Въ книгѣ Замясловскаго мы находимъ
 данныя о животныхъ, о растеніяхъ, о климатѣ,
 о почвѣ, о дикомъ животномъ, полную картину
 историко-географическихъ данныхъ. Эти
 данныя сопоставлены у Замясловскаго съ
 тѣми географическими свѣдѣніями, какія
 въ то время существовали въ Западной Ев-
 ропѣ, то есть сдѣлана первая попытка
 сравнительной географіи. Къ той же области
 относятся тѣ труды, которые затрогива-
 ютъ только одинъ вопросъ исторической
 географіи. Это, именно, труды по исторіи
 русской колонизаціи. Сюда относятся:
 трудъ Ойрсова, посвященный колонизаціи
 Камскаго края; мои труды — по исторіи ко-
 лонизаціи Новороссіи и Слободской Украины;
 Терентьевскаго — по исторіи колонизаціи
 Поволжья; Скавковскаго, по исторіи за-
 селенія Новороссіи; Миллера, Ойшера, Сло-
 цова, П. Н. Буцинскаго, Сибори. Особое мѣ-
 сто въ подобныхъ работахъ занимаютъ
 такъ называемыя историко-статистиче-
 скія описанія разныхъ епархій. Среди
 подобныхъ „описаній“ выдѣляется описа-
 ніе харьковской и черниговской епархій
 извѣстнаго церковнаго писателя Офи-
 царета, бывшаго архіепископомъ Харь-
 ковскимъ и черниговскимъ. Особенно за-
 мѣчательно его описаніе харьковской епар-
 хіи. Мы имѣемъ еще историко-статисти-
 ческое описаніе Екатеринославской епархіи
 пресвѣщеннаго Феодосія и т. п. Всѣ эти опи-
 санія отличаются однимъ характеромъ:

они представляют собраніе матеріала и влѣ-
сть съ тѣмъ нѣкоторый слабый опытъ сис-
тематизаціи; они стоятъ на рубежѣ между
простыми сырыми матеріалами и историче-
скими пособіями; даютъ свѣдѣній историче-
скій, топографическій, этнографическій, гео-
графическій, археологическій и статистиче-
скій. Этими же характерами отличается и
описание харьковской губерніи. Здѣсь мы нахо-
димъ свѣдѣній о времени основанія городовъ
Харькова, Сумъ и др., указаній на разные уро-
члища; здѣсь собранъ богатый запасъ свѣдѣній
о курганахъ; попадаются данныя этногра-
фическаго и наиболѣе богатый данныя ста-
тистическаго характера. Сюда же можно
отнести изданія офицеровъ генеральнаго шта-
ба, гдѣ найдешь много топографическихъ и ис-
торическихъ данныхъ. Затѣмъ, сюда от-
носятся списки населенныхъ мѣстъ евро-
пейской и азіатской Россіи. Нѣкоторыми
областями и мѣстностями покастми-
вилось въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ
другими; особенно много было говорено о Сиби-
ри, къ которой относится масса старыхъ
трудовъ. Въ нихъ мы находимъ обилѣный
матеріалъ не только по исторіи Сибири,
но и по географіи. Есть еще одна работа
(извѣстнаго историка Н. И. Костомарова),
въ которой поставленъ теоретически во-
просъ „объ отношеніи русской исторіи къ
географіи и этнографіи“; но въ ней трак-
туется объ отношеніи русской исторіи къ

этнографии.

Въ заключение считаю полезнымъ из-
ложить мои desiderata въ области рус-
ской исторической географии; это рѣчь,
читанная на VII археологическомъ съѣздѣ
въ Ярославль (1884 г.). Нужно замѣтить,
что древній періодъ — до XV в. въ историко-
географическомъ отношеніи разработанъ
гораздо лучше посильными — московскими
и императорскими. Знать многое оказы-
вается вовсе неизвестнымъ, другое — неяснымъ,
третье — невторно разъясненнымъ; но пре-
градой дальнейшей разработки является ску-
дость источниковъ, которую восполнить
нельзя; необходимо довольствоваться на-
меченнымъ запасомъ данныхъ и стараться
изучить ихъ возможно полнѣе и обстоя-
тельнѣе. Мы имѣемъ прекрасную обработ-
ку историко-географическаго матеріала
нашей древней летописи въ извѣстномъ
трудѣ профессора Варшавскаго универси-
тета Барсова, но нельзя не пожалѣть, что
эта работа не продолжена и что такимъ
же образомъ не разсмотрѣны областныя
летописи XII, XIII и XIV вѣковъ; работа и. д. Бѣ-
льева „о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древ-
ней Руси“ устарѣла и не удовлетворяетъ
современныхъ требованій. Затѣмъ нельзя
не сожалѣть, чтобы кто-нибудь исполнилъ аналогич-
ную работу по отношенію къ иностраннымъ
писателямъ о древней Руси, такъ какъ трудъ
Аделунга отличается преимущественно би-
блиографическимъ характеромъ. Работа эта

потребуется много труда, критического таланта, начитанности, но результаты могут получиться весьма важные. Вопросы о наших инородцах и о характере колонизации больше или менее обстоятельно разработаны в сочинении Толубовского, Корсакова, Иловайского и др. и теперь следовало бы собрать уже общую сводку. Таковы наши подвешания относительно древней княжеской Руси. Несравненно больше нужно собрать для московского и императорского периодов нашей истории. Нам предстоит изучить и территорию московского государства и его этнографию. До сих пор как в этом, так и в другом отношении собрано очень мало; необходимо познакомиться не только с этнографическими особенностями русского племени, но и с бытом инородцев и их отношением к нам; необходимо проследить историю постепенного распространения русского государства в связи с историей русской колонизации. Если теперь мы припомним, что собрано в литературе по этим вопросам, то придется к очень печальным заключениям: есть хорошие работы, но их к сожалению очень немного. На первом плане нужно поставить не так давно вышедшее сочинение профессора Е. Замыслова „Герберштейн и его историко-географический сводный“, которое представляет такую же важность для московского периода, какую книга Барсова — для древнекняжеского. Содержание его шире заглавия: в нем мы находим обзорные изъяснения всех важнейших

иных иностранцев, писавших о Московии въ XV-XVI столѣтіяхъ. Анализъ сочиненій этихъ иностранцевъ далъ возможность профессору Замясловскому представить географическій условій быта Москвы и ея областей. Можно только поджелать, чтобы работа Е. Е. Замясловскаго имела себѣ продолжателій, чтобы такимъ же образомъ были анализированы сказанія иностранцевъ XVII и XVIII вѣковъ. Не менѣе, если не болѣе еще необходимо точно также систематически изучить источники туземные - летописи, акты и т. п. Между тѣмъ до сихъ поръ не изданы самый важный русскій источникъ, заключающій въ себѣ свѣдѣнія исключительно географическія - свѣдѣнія о московскомъ государствѣ XVII в. - я раздѣлю въ томъ извѣстную Знаку Большаго Чертежа. Было бы очень полезно вновь издать этотъ памятникъ и изслѣдовать его на основаніи появившихся за послѣдніе 40 лѣтъ историко-географическихъ матеріаловъ, такъ какъ комментаріи прежнихъ издателей во многихъ мѣстахъ теперь оказываются несостоятельными и могутъ быть исправлены и дополнены при помощи новыхъ топографическихъ данныхъ; тогда только можно будетъ опредѣлить вѣсть тѣмъ истинности, которыя упоминаются въ книгѣ Чертежа, какъ это удалось сдѣлать веподину Огородникову относительно сѣверной Россіи и шить относительно Донецкаго бассейна. Но и кромѣ книги Большаго Чертежа найдется немало памятниковъ, которые имѣютъ важное историко-географическое значеніе (напримѣръ, хождение въ Крымъ Мянкина и Зотова въ 1681 году)

и требуютъ научнаго изслѣдованія. Больше всего ра-
ботъ посвящено исторіи колонизаціи. Зрѣльс мы
имѣемъ почтенные труды г. г. Фирсова, Перетят-
ковича, Адринцева, Соколовскаго, Скалковскаго
и нѣкоторыхъ другихъ. Но не смотря на это,
мы все таки еще далеки отъ рѣшенія вопроса
о характерѣ русской колонизаціи этого времени
вообще. Только тогда удастся намъ его рѣшить
во всей полнотѣ, когда мы будемъ имѣть исто-
рію заселенія всѣхъ вадимѣйшихъ областей на-
шего государства, а теперь работа только что на-
чалась. Намъ нужно будетъ имѣть обстоятель-
ную исторію заселенія Сибири въ связи съ эт-
нографіей ея инородческаго населенія; намъ ма-
ло извѣстна даже исторія колонизаціи съверо-
восточной европейской Россіи. Также самое
нужно сказать о нашемъ юго-восточномъ, юже-
номъ и юго-западномъ пограничьи — Уралѣ, Ку-
бани, Донѣ, Новороссіи, Правобережной и Лѣво-
бережной Украйнахъ. Что касается XVIII вѣка,
то о немъ нечего и говорить: такъ мало еще сох-
рано для этого періода и такъ много прецесто-
итъ сохлать впереди. Наконецъ, необходимо
задатися цѣлью систематическаго изученія
исторической этнографіи инородцевъ, имен-
но тѣхъ, которые имѣли значительное вліяніе
на нашу историческую жизнь. Это, напри-
мѣръ, нужно сказать о татарахъ. Являет-
ся настоятельная потребность въ изученіи
татарско-русскихъ отношеній въ XVI и XVII
столѣтіяхъ. Эта потребность очевидно
чувствуется многими; это ясно видно изъ
того, что въ послѣднее время Император-

ское Русское историческое общество издало целый томъ документовъ (подъ редакц. Т. Карпова), указывающихъ, уясняющихъ наши отношенія татаринъ къ Московскому государству въ XV и отчасти въ XVI ст. И действительно, чѣмъ внимательнѣе изучаешь относящуюся сюда исторички, тѣмъ яснѣе представляется роль татарскихъ ордъ въ нашей исторіи XVI и XVII в. Все, нами сказанное, относится къ предметамъ древней Руси и Московскаго государства; но мы не смѣемъ также игнорировать той Руси, которая съ XIV в. и далее нѣмнѣе стала мало по малу переходить подъ власть вел. кн. Литовскаго и сдѣлалась источникомъ его политическаго могущества и культурнаго значенія; я говорю о Малой и Бѣлой Руси, который сохранили неприкосновенной драгоцѣннѣйшее наслѣдіе прошлаго — своего втораго народности. И вотъ, намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, каковы были географическіе предѣлы территоріи, занятой русскими народами въ исторической Польшѣ; а этотъ вопросъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ другимъ — кто былъ истиннымъ колонизаторомъ упомянутой во времена Батыева нашествія, южной Руси. Правда, польскіе историки на этотъ вопросъ даютъ опредѣленный отвѣтъ: они заявляютъ, что эту цивилизаторскую миссію выполнили Польшки; но едва ли такое мнѣніе соответствуетъ исторической действительности; по крайней мѣрѣ въ этомъ заставаютъ насъ цѣлѣнный документальный данныя — изданные кievской вре-

менной комиссией акты о колонизации юго-западной России и только что передъ этими напечатанными польскими историкомъ Яблоновскимъ иллюстраціи королевскихъ замковъ; самъ Яблоновскій, впрочемъ, дѣлаетъ цѣлыхъ советныхъ иные выводы. Не менѣе важно для насъ и историко-этнографическое изученіе юженорусской и бѣлорусской народностей; намъ нужно изучить и опредѣлить тѣ особенности ихъ, которыя выработались всего совокупностью историческихъ обстоятельствъ и географическихъ условий ихъ жизни, а не одни только польскими вліяніемъ, какъ утверждаютъ некоторые. Поставивъ цѣлю своего изученія всю Русь, мы не оставили, конечно безъ вниманія и Галицкой Руси, будемъ продолжать историко-географическія работы, начатый поч. членомъ и действител. членомъ ея - Я. В. Головацкимъ и другими.

Таковы вѣснѣйшіе desiderata, которые можно высказать относительно дальнейшей разработки русской исторической географіи. Главное вниманіе мы должны обратить, какъ видно отсюда, на Московско-Литовскій періодъ нашей исторіи. Но для того, чтобы получить действительно вѣрные результаты, необходимо приступить къ систематическому изученію того громаднаго историко-географическаго матеріала, который еще не изданъ и находится въ нашихъ архивахъ и другихъ хранилищахъ рукописей. Изслѣдователь историко-географическихъ вопросовъ часто не можетъ себѣ составить и приблизительнаго понятія о томъ, что онъ найдетъ въ томъ

или иномъ архивѣ. Знали ли все мы до изданія прекрасной книги Н. Н. Оглобина: „Обзоръ историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., хранящихся въ книгахъ Разряднаго приказа“, — сколько драгоценныхъ документовъ по русской исторической географіи находится въ архивѣ Министертва Вѣстницъ? Знали ли мы, что въ бѣлихъ книгахъ Разряднаго архива мы найдемъ богатѣйшій матеріалъ, заключающій въ себѣ топографическія свѣдѣнія о городахъ, описанія рубежей и утѣдныхъ населенныхъ мѣстъ, данныя объ естественныхъ произведеніяхъ и гидрографіи, а также остаточныя населенія разныхъ областей Московскаго государства? Вмѣстѣ и теперь еще остаются неописанными столбцы Разряднаго архива, въ которыхъ мы найдемъ не менѣе, а можетъ быть еще болѣе подробныхъ данныхъ; по крайней мѣрѣ, какъ самому пришлось извлечь не мало ихъ изъ неописанныхъ Оглобинскихъ столбцовъ Бѣлгородскаго стола; а сколько ихъ заключается еще въ московскомъ, владимірскомъ и другихъ столахъ? Мало того — Разрядный архивъ составитъ только небольшую часть архива вѣстницъ. Тисцовыя и другія переписныя книги хранятся въ другомъ отдѣленіи архива, точно также какъ и сенатскія етъла; необходимо и имѣть етъла въ обзорѣ не маперъ „Обзорный“ Оглобина; это было бы полезно во всехъ отношеніяхъ и, между прочимъ, могло бы приблизить насъ къ рѣшенію вѣчнаго вопроса о способахъ изда-

ния писцовыхъ книгъ. Въ архивъ министер-
 ства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ сосредоточены
 дѣла стариннаго посольскаго приказа, нахо-
 дится также громадное количество истори-
 ко-географическихъ матеріаловъ; здѣсь же
 найдены были и самыя старинныя писцо-
 выя книги; здѣсь же, наконецъ, хранятся
 извѣстные портреты Шмидера, въ которыхъ
 собраны весьма важные сибирскія дѣла.
 Немало цѣнныхъ документовъ мы найдемъ въ
 архивѣ главнаго штаба и другихъ столичныхъ
 архивахъ. Не менѣе насильно возбуждаетъ ру-
 кописный отдѣлъ Императорской публичной
 библиотекы. Богатѣйшій матеріалъ для исто-
 рической географіи литовской, южной и западной
 Руси мы найдемъ въ литовской метрицѣ, кото-
 рая находится теперь въ вѣдѣніи московскаго ар-
 хива министерства юстиціи и составляетъ въ
 немъ самостоятельный отдѣлъ. Но не ограничи-
 ваясь центральными хранилищами, мы дол-
 жны будемъ произвести розысканія въ област-
 ныхъ и въ провинціальныхъ архивахъ. Тутъ же,
 какъ не въ нихъ искать матеріаловъ для исто-
 рико-географическаго описанія разныхъ обла-
 стей и губерній? Кіевскій, Виленскій и Витеб-
 скій центральные архивы хранятъ драгоцен-
 нѣйшіе источники для изученія историческа-
 го прошлаго территоріи и народности южной
 и западной Руси. Недавно возникшіе помыслы
 покойнаго Н. В. Кадыкова о губернскихъ архивахъ, такъ
 же навѣрно заключаютъ въ себѣ извѣстные до-
 кументы историко-географическаго характе-
 ра. Пусть будетъ приведенъ въ извѣстность

весь этот материал и, таким образом, изыскателями и историками узнают, что у них есть дома и что нужно искать в центрах; с другой стороны, такие указатели историко-географических материалов приходится и присылать, так сказать, ученым, живущим в центрах.

Для издания документов необходимо их предварительное изучение; досих пор в деле издания элемент суровости играл, к сожалению, очень важную роль; ученые губернской комиссии не только не впадают в ту же ошибку и потому пусть раньше они изучают свои материалы и тогда уже займутся систематическим изданием их; историко-географические материалы составят в этом случае отдельную, самостоятельную группу; к документам, извлеченным из историко-губернского архива, можно было бы присоединить и те материалы, которые хранятся в центральных архивах и относятся к данной местности; таким путем удобнее всего было бы издать и писцовые книги разных губерний России; иначе они не увидят света многие годы, если не десятилетия. А когда количество материала увеличится и он будет обработан ученым образом, тогда можно будет приступить к составлению подробного историко-географического словаря и историко-географического атласа. Мы имеем теперь три атласа русской истории: Ахматова, Павличева и Замысловского (выпущившего уже 3^е издание). Из этих трех атласов наиболее удобен для справок

атласъ Замяшова; онъ составляетъ середину между ученымъ пособіемъ и учебнымъ атласомъ. Кроме того атласъ Замяшова въ позднейшій изданіи заключаетъ объясненія картъ, помѣщен- ныхъ въ атласъ (всѣхъ картъ — 22). 1-я карта восточная и средняя Европа въ IX и X столѣтіяхъ. Вторая карта — русская земля съ половины XI до половины XIII вѣка; третья карта — русская земля въ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка, и такъ далѣе, — всего восемь картъ по русской исторіи. Къ содѣланію характера атласа, не то учѣ- ный, не то учебный, шлется и въ которые недо- статки. Для того, чтобы быть ему учебнымъ, его объясненія слишкомъ сухи, спеціальны, а съ ученой точки зрѣнія его трудъ можетъ быть подверженъ строгой критикѣ. Авторомъ не приняты во вниманіе многія сочиненія, который дали бы ему возможность опредѣ- лить и границы русскаго государства, его об- ластей и такъ далѣе. Не воспользовался онъ, напримеръ, картой, приложенной къ моему труду, къ сочиненію Бѣллева. Неудовлетвори- телюна его карта Сибири. Невозможно у него разобратъ какова была Сибирь въ XVI, XVII и XVIII вѣкѣ. Также можно сказать и относитель- но другихъ частныхъ картъ: они имѣютъ ха- рактеръ случайный. Кроме этихъ атласовъ, нужно указать на три географическихъ сло- варя, гдѣ заключаются историко-географи- ческія данныя. Старый словарь Шекатова, затѣмъ Венцова и географическій словарь русской земли Барсова (историческій). Впро- чемъ уже далѣе въ XVIII в. былъ словарь

Татищева, составленный на основании свѣдѣній, доставленныхъ разными лицами.

§ 25. Историко-археологическое направление въ русской исторіи.

Археологическое направление въ русской исторіи тѣсно связано съ историко-географическимъ. Давно у всѣхъ изыскателей русской старины явилось стремленіе увеличить кругъ новыхъ данныхъ, расширить наши познанія въ музѣевѣ. Тамъ, гдѣ оказываются свѣдѣнія литературныхъ источниковъ, письменныхъ памятниковъ — являлись на помощь памятники вещественные. Таково происхожденіе русской историко-археологической школы. Ваденскій ие представителіи ея: Забѣлинъ и графъ Уваровъ. Для нашей цѣли вадено прежде всего прослѣдить археологическое направление въ работахъ, относящихся къ историческому періоду русской жизни. Яснѣе все оно проявилось въ изысканіяхъ Забѣлина. Самоутка, не получившій не только высшего, но средняго, каждаго, и средняго образованія, начавшій свою дѣятельность писцомъ въ одномъ изъ архивовъ, онъ выдвинулся благодаря своему громадному таланту и въ настоящее время состоитъ заведующимъ историческимъ музеемъ въ Москвѣ. Онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ своихъ ученыхъ трудовъ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, раскопка знаменитаго чертомышскаго кургана, гдѣ найдено много вещей скифскаго періода. Забѣлинъ — наиболѣе извѣстный московскій историкъ, наиболѣе видный пред-